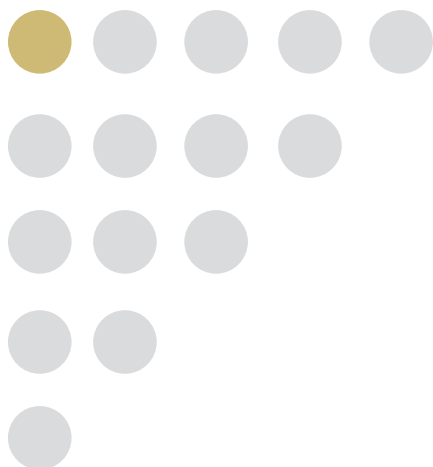

ОТКРЫТАЯ ЛИНИЯ

ПРОЕКТ

НА НАЦИОНАЛЬНО ИЗДАТЕЛЬСТВО „АЗ БУКИ“
И ФОНД „РУССКИЙ МИР“

ПРОЕКТ

НАЦИОНАЛЬНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА "АЗ БУКИ" И ФОНДА "РУССКИЙ МИР"

Более 1000 специалистов из 48 стран мира приняли участие в последнем XII Конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Основу научной программы составили доклады ведущих специалистов в различных областях русистики. В рамках Конгресса работали 15 научных направлений. Было проведено 35 заседаний и 6 круглых столов.

XII Конгресс подвел итоги развития современной русистики, обозначив при этом целый ряд проблем как в теории, так и в практике современных лингвистических, литературоведческих, культурологических и методических исследований, что в полной мере соответствовало названию Конгресса „Русский язык и литература во времени и пространстве“.

Специально для проекта „Открытая линия“, посвященного популяризации новых исследований в области обучения русскому языку как иностранному, мы получили согласие ведущих специалистов - участников Конгресса опубликовать их доклады. Проект осуществляется Национальным издательством „Аз Буки“ при поддержке Фонда „Русский мир“. Материалы по проекту будут опубликованы на страницах научных журналов издательства „Аз Буки“.

В настоящем номере мы предоставляем вам возможность познакомиться со статьями Вербицкой Л.А. (Президента МАПРЯЛ), Юркова Е.Е. (Генерального секретаря МАПРЯЛ, Директора Института русского языка и культуры и Заведующего кафедрой РКИ и методики его преподавания в Санкт-Петербургском государственном университете), Щукина А.Н. (Заведующего кафедрой методики, педагогики и психологии в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина) и Шамониной Г.Н. (Директора Департамента обучения иностранным языкам в Варненском свободном университете им. Черноризца Храбра).

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ОРФОЭПИЯ И ОРФОФОНΙΑ

Вербицкая Л.

д. ф. н., академик РАО

Президент МАПРЯЛ
Президент Санкт-Петербургского
государственного университета
Россия

Резюме. Статья посвящена проблеме нормы современного русского языка, которая возникает в тех случаях, когда в системе имеется не одна, а две или несколько различных реализаций одной единицы или сочетания единиц, два или несколько вариантов. При рассмотрении нормы произносительной необходимо различать два ее аспекта: орфоэпию и орфофонию. В работе приводятся результаты многолетнего экспериментально-фонетического анализа речевого материала.

Keywords: orthoepy, orthophony, variance, variability, codified literary pronunciation norm, everyday speech norm

Любой лингвист при изучении языка сталкивается с двумя видами явлений, имеющих одинаково важное значение. Во-первых, это особенности языка как системы (внутренние свойства); во-вторых, социолингвистические и психолингвистические факторы, связанные с жизнью данного языка в определенном языковом коллективе в определенный период времени (внешние свойства). Хочу сразу подчеркнуть, что противопоставление внутренних и внешних факторов едва ли осуществимо ввиду тесной связи и взаимообусловленности их при функционировании языка.

Многоязычный язык представляет собой сложную совокупность разнообразных явлений, таких как литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты, жаргоны.

Уже при перечислении этих явлений – мы сталкиваемся с переплетением собственно лингвистических, внутренних свойств языка и социально-лингвистических, внешних его свойств.

Литературный язык – это язык образцовый, его нормы считаются обязательными для носителей языка. Именно о нормах современного русского литературного языка и пойдет речь.

Л.В.Щерба справедливо представлял себе язык находящимся всё время в состоянии „лишь более или менее устойчивого и сплошь и рядом вовсе неустойчивого равновесия“ (Щерба, 1983).

Такое постоянное изменение, развитие языка создает определенные трудности при его описании и решении проблемы культуры речи и вопросов современной нормы. Очень важно подчеркнуть внутриязыковой, объективный характер нормы, ее зависимость от языковой системы.

Система языка – это не только совокупность всех языковых элементов, но и характер отношений между ними, модели их реализации.

Проблема нормы возникает в тех случаях, когда в системе имеется не одна, а две или несколько различных реализаций одной единицы или сочетания единиц, два или несколько вариантов. При этом важным и принципиальным является противопоставление вариантности.

Вариативность – обязательная черта языка, она определяется языком, навязывается им. Фонетическая вариативность, например, обусловлена определенной позицией фонемы в слове, влиянием качества окружающих звуков, местом по отношению к ударению (например /s/ в слове *суд* /sut'/ отличается от /s/ в слове *сад* /sat/, тем, что оно лабиализовано под воздействием соседнего губного /u/).

Вариантность же не провоцируется языком, а разрешается им. Это два разных способа реализации одной единицы или сочетания единиц (например, два варианта произнесения слова *декан* – /d'ikan/ и /дыkan/ с мягким /d'/ или твердым /d/ перед гласным переднего ряда /e/).

В норме происходит отбор ведущего варианта, т.е. норма является самым строгим ограничением возможностей системы. При этом есть ряд примеров равноправно существующих вариантов нормы (вариантность первого типа). Например, в современном русском произношении равноправны оба варианта произнесения слов *степень* и *везде*: /s't'ép'in'/ и /st'ép'in'/, /v'iz'd'é/ и /v'izd'é/, т.е. с мягким или твердым первым согласным сочетания.

Вместе с тем, в результате диахронических изменений в системе или влияния экстралингвистических факторов, варианты могут стать и неравноправными (вариантность второго типа). Так, ведущим вариантом нормы сегодня является вариант произнесения слов *дверь* и *жара* как /dv'er'/ а не /d'v'er'/ и /žara/, а не /žyга/.

Таким образом, система языка – это система моделей, полностью не реализуемая в отдельных текстах (в широком понимании этого слова); формальные

возможности, представляемые языком, никогда не могут быть использованы полностью. Явлений, противоречащих системе, в норме быть не может.

Языковая норма – это совокупность явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка – и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени. Изменения нормы возможны или в пределах вариантности нормы, или в результате определенных изменений, происшедших в системе.

При рассмотрении нормы произносительной необходимо различать два ее аспекта: орфоэпию и орфофонию.

Отношения между аспектами произносительной нормы могут рассматриваться по-разному в связи с различной трактовкой фонемы. Если исходить из понимания фонемы Л.В.Щербой, то – орфоэпия – это правила, определяющие нормативный фонемный состав слов, а орфофония – правила произношения оттенков (аллофонов) фонем. Так, вопрос о том, следует ли употреблять в слове *великий* твердое /к/ или мягкое /к'/, регулируется правилами орфоэпии, а требование произносить согласный /j/ в конце этого слова как сонорный, а не глухой щелевой относится к правилам орфофонии.

Все основные черты современной русской орфоэпии и орфофонии подробно описаны в монографии „Давайте говорить правильно“ (Издательство „Высшая школа“), выдержавшей 4 издания. Сейчас к печати готовится 5-е (Вербицкая, 2008). В работе приводятся результаты многолетнего экспериментально-фонетического анализа речевого материала.

Нет оснований сомневаться в том, что современное нормативное русское произношение акающее (произнесение в безударной позиции на месте а – /а/ соответствующей степени редукции), икающее (ыкающее) (т.е. на месте орфографических е, я, а после мягких произносится /i/ соответствующей степени редукции, а после твердых /ы/).

В области согласных, например, – обязательное произнесение глухих на месте звонких в абсолютном конце слов и перед следующим глухим; произнесение /g/ смычного, а не щелевого [ʎ].

Хочу обратить специальное внимание на тот факт, что в последнее время некоторые лингвисты, занимающиеся обучением русскому языку как неродному на базе другого, родного языка, предлагают рассматривать все отклонения от нормативного русского произношения, возникающее под влиянием межъязыковой интерференции, как варианты русской нормы.

Экспериментальное исследование интерференции русского и других языков (украинский, белорусский, молдавский, армянский, азербайджанский, эстонский, литовский, латышский), языков разных семей и групп показало, что под воздействием родных языков возможны не менее 40 орфоэпических и орфофонических отклонений от нормативного русского произношения (Вербицкая & Игнаткина, 2008).

Какие же основания можно найти для квалификации отклонений от нормы, произносительных ошибок как вариантов этой нормы? Совершенно очевидно, что признание такого подхода может привести к утрате языка. А сохранение языка любого народа – это проблема политическая. Это проблема сохранения, проблема безопасности государства. В данном случае проблема сохранения русского языка – это проблема безопасности России.

Говоря о нормативном языке, о современной русской орфоэпии и орфофонии, правилах нормативной реализации гласных, согласных, сочетаний согласных, отдельных слов – важно различать 2 типа произнесения: полный и неполный (Бондарко, Вербицкая & др, 1973).

При полном типе произнесения определение фонемного состава слова не вызывает трудностей. Все фонемы четко артикулируются и соответственно воспринимаются слушающими. Так, например, как бы ни было произнесено слово часы – /čisyl/, /č'esyl/ или /č'asyl/ – гласный 1-го предударного слога (/i/, /e/ или /a/) произнесен четко.

При неполном типе произнесения определить фонемный состав слова трудно, а без применения экспериментальных методов исследования – невозможно. Каков, например, состав слова *добрая* и *доброе*? Только специальное исследование показало, что в заударной флексии 1-го и 2-го слов одни и те же аллофоны фонем /ai/. По-видимому, невозможно представить себе текст, реализованный только в полном типе произнесения (это была бы совершенно неестественная речь), так же как и целиком в неполном. Любой текст в зависимости от цели, конкретных обстоятельств реализации представляет собой сочетание полного и неполного типов произнесения, причем их процентное отношение может быть очень разным.

Так, например, лекция студентам 1 курса, только начинающим проникать в сложный языковой материал, будет отличаться более высоким процентом наличия полного типа произнесения, чем спонтанная беседа с этими же студентами.

Если же попытаться рассмотреть взаимодействие стилей произношения и типов произнесения на фонетическом уровне, то, по-видимому, можно считать, что в полном (по Л.В.Щербе) стиле больше реализаций полного типа произнесений, а в разговорном – неполного.

Как же с этой точки зрения ведет себя норма? Вероятно, следует различать норму кодифицированного литературного произношения (большой процент реализаций полного типа произнесения) и норму разговорной речи, речи спонтанной, не подготовленной заранее (большой процент реализаций неполного типа).

Так, например, как уже говорилось выше, в русском языке, как и во многих других, один из слогов слова выделен как ударный.

Позиция ударного слога – системный признак слова. Ведущим коррелятом русского ударения, как известно, является длительность. Норма и ее

вариантность определяют, в каких пределах может колебаться временное соотношение ударного слога с безударным в пределах слова. Известно, что одним из отличий петербургского варианта нормы от московского было разное отношение длительности ударного /а/ и его аллофонов во 2-ом предударном и заударном закрытых слогах: более значительное сокращение длительности безударных в указанных позициях в московском произношении по сравнению с петербургским при относительно несколько большей длительности ударного.

Эти различия укладывались и пока еще укладываются в разрешенную нормой орфофоническую вариантность. А как быть, если мы встречаем случаи полного исчезновения гласного во 2-ом предударном слоге? В полном типе произнесения, по-видимому, это невозможно, а в неполном?

Орфоэпические и орфофонические особенности нормы литературного языка, реализующиеся в текстах с преобладающим процентом полного типа произнесения, были продемонстрированы выше.

К сожалению, фонетические характеристики спонтанной речи изучены еще недостаточно, наблюдения над закономерностями спонтанных тестов носят в основном субъективный характер, так как являются лишь результатом слухового, а не серьезного экспериментально-фонетического анализа.

Основной причиной недостаточной изученности этого вопроса является, по-видимому, с одной стороны, нерешенность ряда вопросов, связанных с произносительной нормой литературного языка, с другой – сложностями чисто технического характера и в первую очередь трудностью получения экспериментально-фонетического исследования материала для изучения закономерностей спонтанной, разговорной речи.

Единственным экспериментально-фонетическим исследованием характеристик спонтанной речи (на материале согласных) является диссертация Н.И.Гейльман (Гейльман, 1983).

Н.И.Гейльман записывала диалоги хорошо знакомых людей, не скованных условиями эксперимента и быстро забывающих о том, что их речь фиксируется. Результаты исследования показали, что спонтанная речь отличается от литературного языка как консонантной насыщенностью, так и распределением фонем по дифференциальным признакам.

Сильнее всего изменяется соотношение смычных и щелевых согласных за счет замены смычных на щелевые; меняются соотношения звонких и глухих (в силу более частого оглушения звонких по сравнению с озвончением глухих), шумных и сонорных (в силу оглушения сонорных и замены их на щелевые шумные) и твердых и мягких (за счет увеличения количества твердых).

Сравнение устойчивости групп согласных показало, что звонкие модифицируются чаще, чем глухие, мягкие – чаще, чем твердые, шумые – чаще сонорных.

Самая устойчивая характеристика – активный артикулирующий орган, с помощью которого образован согласный. В работе показано расширение допустимых пределов варьирования фонетических единиц, „размытость“ их фонетических характеристик. Эта „размытость“ присуща и фонеме, и слову, и синтагме, и степень ее возрастает по мере возрастания степени неофициальности общения.

При этом ненормативность согласных составила 18% (от общего числа), гласных – 7%. Из 80 наиболее встречающихся слов – 5% встретились в 2-х разных вариантах; 10% – в 3-х; 20% – в 4-х; 52% – в пяти и более. 27% словоформ, то есть 1/3, ни разу не были произнесены в полной форме. Из 354 реализаций только 22 (7%) были реализованы в соответствии с произносительными нормами современного русского языка. По-видимому, следует говорить о необходимости определения норм спонтанной речи как особого вида реализации текста.

Так, например, в полном типе произнесения встречалось произнесение конечных смычных как импловзивных (отсутствие фразы взрыва) (слова *дом*, *Дон*). В неполном типе импловзивными оказывались и шумные (*год*, *ход*). Ряд согласных вообще не произносился: /j/ - в 29% случаях (например, слова *если*, *еще*, *его*) произносились как /esl'í/, /iš':ó/, /ivó/; /b'/ – в 16,6% (*тебя*, *тебе*) как /t'ь/, /t'ьé/; /d'/ – в 15,1% (*ходит*, *видит*) как /xóьt/, /víьt/, /c/ - 14,7%, /v/ - в 13% (в суффиксах и окончаниях **ого**, **его**, **ыва**, **ива**; /f/ – в 10,1%.

Аффрикаты практически во всех случаях заменялись на щелевые: /č/ на /š'/, /c/ на /s/ (солнце /sónsь/ вместо /sónsь/, курочка /kúraš'ka/ вместо /kúračka/.

Ряд слов совпадал в произношении, менялась ритмическая структура слова. Так, одинаково были произнесены слова *представляете* и *представляйте*, *приставляете* и *приставляйте*, *не пробыл* и *не пробовал*, *интересно* и *интересный*, *наши* и *нашей*, *вышла* и *вышла*, *отдела* и *одела*, *перекрывать* и *прикрывать*.

Не было различий между фразами *нету начальника* и *нет, у начальника*; *говорит директор* и *говори, директор*; *к году шел* и *год ушел*; *там развезут* и *там разве зуд*; *лещ чей?* и *лещей*; *и злюсь* и *из Люси* и т.п.

Редукция заударных и предударных гласных была настолько сильна, что во многих случаях гласные исчезали, а иногда исчезали и заударные и предударные слоги. Так, слово *конечно* произносилось как /kln'ěš/, *двадцать* как [dvac], *тридцать* как [tr'ic], *слушай* как [sluš], *значит* как /znač/ и /nač'/, *пождождите* как /pžd'ь/.

Вместе с тем при беседе хорошо знакомых людей это не усложняет понимание, не мешает процессу коммуникации.

Рассматривая взаимоотношения фонетической системы разговорной речи и кодифицированного литературного языка, можно прийти к выводу, что сравниваемые системы очень близки, однако пределы нормативной ва-